

УДК 94(470.6).084.8

С. И. Линец

**КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
ИСТОКИ, ПРОЯВЛЕНИЯ, МАСШТАБЫ**

В годы Великой Отечественной войны в военных и вспомогательных формированиях вермахта, в других силовых структурах фашистской Германии несли службу почти 1,2 млн. советских граждан [1, с. 68]. В немецких источниках содержится информация об их национальной принадлежности: русские – 300 тыс., украинцы – 250, белорусы – 70, казахи, узбеки, туркмены и другие народы Средней Азии – около 70 тысяч; казаки – 70; латыши – 150; эстонцы – 90; литовцы – 50; азербайджанцы – 40; грузины – 25; армяне – 20; народы Северного Кавказа – до 30; волжские татары – 12,5; крымские татары – 10; калмыки – 7 тыс. человек [1, с. 68]. В том числе в войсках СС служили: русские – 18 тыс. человек, казаки – 30, татары – 10, украинцы – 30, белорусы – 10, латыши – 25, эстонцы – 15 тыс. человек [2, с. 414].

Чтобы осознать масштабы всех этих цифр, укажем для сравнения, что число активных участников партизанского движения, боровшихся с врагом на временно оккупированной территории СССР, также составило более 1 млн. человек [3, с. 351].

О серьезности проблемы коллаборационизма применительно к истории Великой Отечественной войны, о необходимости ее дальнейшего глубокого изучения, говорит следующий, весьма неприятный и тяжелый для нашего государства факт: «...по численности граждан, в разных формах сотрудничавших с оккупантами, Советский Союз стоит на первом месте среди других подвергшихся оккупации стран Европы» [2, с. 12]. Это в абсолютном выражении. Что касается численности коллаборационистов пропорционально количеству населения СССР, то она также была «довольно высокой» [2, с. 463].

Все еще спорным остается и в современной российской, и в зару-

бежной исторической литературе вопрос о причинах сотрудничества советских людей с гитлеровскими оккупантами в годы минувшей войны. Разброс мнений здесь весьма широк. От утверждений, что переход на сторону немцев происходил по политическим мотивам для последующей борьбы со сталинским режимом, и до мнений о желании спасти собственную жизнь и служить кому угодно, лишь бы платили за это и давали шанс обустроить сносное существование. В последние годы российские историки все активнее обращают внимание именно на политическую подоплеку такого сотрудничества.

Думается, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынужденно. Но были и такие, кто действовал по своему твердому убеждению в необходимости беспощадной борьбы со сталинской властью. В целом же, действительно, как справедливо, на наш взгляд, считают исследователи Н.А. Кирсанов и С.И. Дробязко: «Пособничество врагу и сотрудничество с ним становились способом выживания под пятой оккупантов, попыткой определенных групп заслужить соответствующие политические и социальные преимущества» [1, с. 64].

Коллаборационизм на Северном Кавказе был неотъемлемой составной частью этого явления, получившего широкое распространение на оккупированной немцами территории Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Но в то же время можно говорить и об его особенностях применительно к Северо-Кавказскому региону. Здесь сотрудничество с врагом было обусловлено наличием целого ряда специфических факторов: национального, религиозного, социально-политического, морально-психологического.

Еще на стадии разработки своих планов по захвату Северного Кавказа гитлеровское руководство делало ставку на многонациональный состав его населения. По оценкам немецкого командования, на Северном Кавказе и в Закавказье проживало 12 млн. человек и из их числа нерусские народы следовало в первую очередь привлечь к сотрудничеству с Германией [2, с. 384]. Нацисты рассчитывали на лояльное отношение горцев к немецкому «новому порядку», считая, что в массе своей они недовольны советской властью. Фашистское руководство допускало, что «... на Кавказе можно разрешить многие общенациональные группировки...», т.е. местные националистические правительства [2, с. 374]. Даже для Прибалтики такие

послабления оккупанты не считали возможными.

Возлагали надежды гитлеровцы и на рост горского националистического сепаратизма. Северокавказским народам фашисты «напоминали» о колонизации их земель царской Россией еще в XIX в. Накануне вступления частей вермахта на Северный Кавказ институт в Ванзее летом 1942 г. издал книгу «Кавказ», предназначенную для служебного пользования. В ней большое место занимало детальное описание всех сторон жизни народов Кавказа, а также давались практические советы, как использовать эти народы в интересах рейха [2, с. 383].

Солдаты и офицеры группы армий «А» были предварительно проинструктированы на предмет уважительного отношения к традициям и обычаям горских народов. Об этом, в частности, говорил в своем воззвании к личному составу 1-й танковой армии ее командующий генерал фон Клейст. В составе его армии, продвигавшейся летом-осенью 1942 г. по территории Северного Кавказа, находился бывший германский военный атташе в Москве Кестринг, считавшийся специалистом по кавказским народам и казачеству [2, с. 384]. Командир 44-го армейского корпуса 17-й армии генерал де Ангелис в приказе от 8 августа 1942 г. подчеркивал: «Здесь действовать иначе, чем на Дону. Восстание горских народов Кавказа ... может иметь тяжелые для нас последствия» [4, л. 45; 2, с. 239].

В городах, станицах, селах и аулах Северного Кавказа немецкая оккупационная власть проводила, как уже подчеркивалось, активную религиозную политику. В противовес гонениям советской власти на церковь и насаждение атеизма, гитлеровцы всемерно способствовали возрождению церкви, мечетей и молельных домов. Определенная часть населения, особенно пожилого возраста, воспринимала такие шаги немцев с одобрением.

Большие надежды возлагали фашисты на сотрудничество с донским, кубанским и терским казачеством. В расовой теории Гитлера казаки занимали своеобразное положение, находясь на более высоких ступенях, чем славяне и другие народы Советского Союза. Более того, Гитлер называл казаков представителями арийской расы, имевшими в древности родственные корни с германцами [5, с. 55]. Такое подчеркнуто уважительное отношение к казачеству также не могло не служить причиной перехода части казачьего населения на сторону врага. Не изжили казаки до конца и обиды на советскую власть за ее политику расказачивания, проводившуюся

в годы гражданской войны. В 20-30 годы трагедия казаков продолжалась: были вооруженные выступления, а в ответ на них советская власть осуществляла по отношению к казачеству террор. В довоенный период в Советском Союзе было репрессировано около 2 млн. казаков, из них 1,1 млн. уничтожено физически [2, с. 92].

Колхозное крестьянство в 1932-1933 гг. пережило на Северном Кавказе «организованный голод» и, следовательно, также имело основания быть недовольным политикой Сталина. Задавленная тоталитарной системой, особенно в конце 30-х годов, городская интеллигенция готова была присмотреться к гитлеровскому «новому порядку» и сделать свой выбор.

Летом 1942 г. население Северного Кавказа пережило глубокое морально-психологическое потрясение, вызванное внезапным вторжением немецко-фашистских войск. Сводки Совинформбюро, как известно, не всегда отличались объективностью и вводили в заблуждение миллионы людей. Кто знает теперь, сколько советских граждан, особенно евреев и коммунистов, не смогли вовремя эвакуироваться на восток, доверившись этим сообщениям. Отступавшие по территории Кубани, Ставрополя и республик Северного Кавказа, понесшие огромные потери в предыдущих боях, части Красной Армии производили на местных жителей тяжелое впечатление. В то же время входившие в города и станицы немецкие танковые и моторизованные части подавляли воображение обывателя своей мощью и количеством. Вот одно из свидетельств очевидца тех дней: «...поражало все, что было связано с армией завоевателей. Ибо перед глазами еще стояло убожество советской военной техники того периода войны, обмундирования и вооружения наших солдат, где сапоги заменяли обмотки, а автоматы – тяжеленные винтовки со штыками, где лошадь оставалась основным «мотором» многих родов войск» [6, с. 55].

21 августа 1942 г. немецкие альпийские стрелки из 1-й и 4-й дивизий 49-го горнострелкового корпуса поднялись на Эльбрус и установили на нем фашистские штандарты. Геббельсовская пропаганда сразу же широко оповестила об этой новости весь мир. Все эти события угнетающе воздействовали на сознание оставленных, как тогда говорили, «под немцем», советских граждан. Многие из них преждевременно поверили, что дни советской власти сочтены и новая немецкая власть установлена надолго. Следовательно, чтобы жить, растить детей, работать, надо было не только

приспосабливаться к ней, но в интересах своей семьи даже идти на сотрудничество с оккупантами.

По свидетельству гитлеровских солдат и офицеров 1-й танковой армии генерала Клейста: «Население, состоявшее из коренных кавказцев, настроено дружелюбно и приветствует немцев как освободителей. И нигде не деться от факта, что целые общины и села записываются в добровольцы и даже против желания высшего немецкого командования готовы участвовать в борьбе против Красной Армии» [7, с. 341].

Однако в целом же, на оккупированных территориях Северного Кавказа все население в политических своих воззрениях разделилось на три группы. Вот как определял их по состоянию на 8 декабря 1942 г. в своем политическом донесении немецким властям начальник полиции одного из городов Ставропольского края (его название в документе не указано – С.Л.): 60% населения поддерживают «новый порядок» и ориентируются на Германию; 10% – желают победы Красной Армии и возврата большевиков; 30% – неустойчивые обыватели, готовые примкнуть к любой стороне, в зависимости от успехов каждой из них [8].

Разумеется, к приведенным выше фактам и статистическим данным следует относиться критически и крайне осторожно. Особенно к цифре, свидетельствующей об отношении жителей края к оккупационному нацистскому режиму. Но вместе с тем можно определенно утверждать, что в Северо-Кавказском регионе количество населения, благосклонно относившегося к «новому порядку», было большим, чем, скажем, в Белоруссии или в Смоленской области. В силу тех причин, о которых говорилось выше.

Коллаборационизм в оккупированных районах СССР проявлялся и развивался в двух формах. Во-первых, в виде военного сотрудничества с немецкой армией бывших советских солдат и офицеров. Это были либо военнопленные, по разным причинам решившие перейти на службу к фашистам, либо дезертировавшие из частей Красной Армии военнослужащие.

О численности дезертиров информация появилась в отечественных источниках только в последнее десятилетие. Их количество за все время Великой Отечественной войны составило, по одним данным – 1487834 человека [9, с. 94], а по другим – более 1,6 млн. человек [10, с. 286].

Во-вторых, как добровольное согласие части гражданского населения поступить на работу в различные охранно-карательные, администра-

тивны́е, хозяйственные, культурные и другие органы немецкой власти на оккупированных территориях. На Северном Кавказе наряду с отмеченными формами сотрудничества части советских граждан с немецкими властями, имели место и другие, характерные только для данного региона.

Еще до войны политическая обстановка на Северном Кавказе была нестабильной. С началом Великой Отечественной войны она резко ухудшилась. По данным отдела борьбы с бандитизмом НКВД СССР в 1941–1943 гг. всего по Советскому Союзу была ликвидирована 7161 вооруженная группа общей численностью в 54130 человек, в том числе в Северо-Кавказском регионе – 963 группы с 17563 бандитами. Следовательно, здесь находилась в вооруженных бандформированиях 1/3 всех участников этого движения, действовавшего на территории СССР. В первой половине 1944 г. по СССР было пресечено действие 1727 групп численностью 10994 человека, из них на Северном Кавказе – 145 групп с числом участников в 3144 человека, т.е. снова почти 1/3 [11, с. 33].

Особенно сложное положение сохранялось на территории Чечено-Ингушской АССР, где постоянно существовали очаги бандитизма и антисоветских выступлений. Опубликованные в последние годы в печати ранее секретные документы красноречиво свидетельствуют об этом. Среди них материалы из «Особой папки И.В. Сталина». В одном из документов данного источника, в частности, говорится, что на территории Чечено-Ингушетии «политбанда Саадули Магомадова (6 чел.) действует с 1920 года. Кулак. Периодически соединяется с бандой Махмудова Сарали. За 10 лет совершили свыше 30 убийств красноармейцев, погромы ...» [12]. Среди жертв бандитов были также партийные и советские работники из числа чеченцев и ингушей.

С первых же дней войны криминогенная ситуация в республике обострилась еще больше. Отдельные акты бандитизма стали быстро перерастать в повстанческое движение, охватившее ряд районов республики. По информации органов НКВД на территории Чечено-Ингушетии было образовано пять повстанческих округов, а число активных борцов с советской властью определялось в 24970 человек [12]. 10 января 1942 г. руководители повстанцев планировали поднять восстание в республике. При этом в числе активистов повстанческого движения, судя по рассекреченным документам, находился даже нарком внутренних дел Чечено-Ингушской

республики Албогачиев. В одном из его писем от 10 ноября 1941 г. прямо говорится о связях руководителей повстанцев с секретными германскими агентами, через которых сведения о положении в республике поступали в Берлин [12].

В начале ноября 1941 г. в Шатоевском районе Чечни было пресечено вооруженное выступление повстанческой группы во главе с М. Басаевым. Вместе с ним были арестованы еще пять активных участников этой группы. Все они ранее поклялись на Коране вести непримиримую борьбу с советской властью. На допросе М. Басаев заявил, что повстанцы распускали среди чеченцев слухи о близком крушении советского строя и призывали население готовиться к вооруженному выступлению [2, с. 821]. Реакция Москвы на усиливавшуюся в республике антисоветскую деятельность была жесткой. Весной 1942 г. советская авиация дважды осуществляла бомбардировку ряда горных районов Чечни, где могли скрываться повстанцы. Следовательно, «...руководство страны фактически поставило повстанческое движение в республике на один уровень с внешним врагом – фашистской Германией» [13, с. 218].

В 1942 г. немецкие спецслужбы значительно активизировали свою деятельность на Северном Кавказе. Им в этом существенную помощь оказывали представители горской эмиграции. В 1942 г. с благословения германского правительства они создали Северо-Кавказский национальный комитет (СКНК), помогавший, в частности, немецкому военному командованию формировать восточные легионы. В пропагандистских целях для усиления влияния исламского фактора немцы привезли из Турции на Северный Кавказ и ввели в состав СКНК внука Шамиля – Саид Бея Шамиля. И.Ш. Алискеров в этой связи справедливо, на наш взгляд, подчеркивает: «В отличие от белой эмиграции, часть которой в трудное для Родины время встала за рубежом на патриотические позиции..., горская эмиграция из разных стран стянулась в фашистскую Германию и стала служить ей...» [14, с. 89].

Летом 1942 г. в Северо-Кавказский регион началась интенсивная заброска диверсионно-разведывательных групп, в том числе из числа бывших белоэмигрантов и советских военнопленных. С 25 августа 1942 г. и до начала января 1943 г. в Галашкинском районе Чечено-Ингушетии действовала одна из таких групп, выброшенная на парашютах с немецкого самолета

та. Она состояла из пяти человек во главе с Османом Губе-Сайдиуровым, уроженцем Дагестана. Ему немцы присвоили звание полковника вермахта и обязали подготовить к приходу на Кавказ гитлеровских войск антисоветское восстание. Однако расчеты на массовое выступление горцев против советской власти не оправдались. Пробыв практически безрезультатно в горах около полугода, диверсанты затем были обезврежены органами госбезопасности [15, с. 44].

Всего, согласно архивным данным из фондов НКВД, на территорию Чечено-Ингушской республики различными немецкими спецслужбами было заброшено только воздушным путем восемь диверсионно-разведывательных групп, общей численностью 77 человек. В том числе в июле–августе 1942 г. – пять групп из 57 человек и три группы из 20 диверсантов в августе 1943 г., т.е. уже после освобождения восточной части Северного Кавказа от оккупантов [16, с. 24]. Национальный состав разведчиков-диверсантов был весьма разнообразным: немцев – 15 человек, кабардинцев – 3, чеченцев – 13, грузин – 2, осетин – 21, русских – 1, ингушей – 16, казахов – 1, дагестанцев – 5. При этом лишь две группы находились под командованием немцев, а во главе других стояли осетины, ингуши и чеченцы. Передвигаясь по территории республики, диверсанты создавали в ее населенных пунктах группы поддержки немецкой армии. Однако лишь очень небольшая часть жителей Чечено-Ингушетии готова была стать под знамена фашистов. Так, группа во главе с обер-лейтенантом Ланге сумела организовать всего четыре такие повстанческие антисоветские ячейки общей численностью 41 человек [16, с. 24].

По данным органов госбезопасности Дагестанской АССР на территорию республики во время битвы за Кавказ проникли 152 шпиона, в том числе 50 парашютистов. За период с августа по ноябрь 1942 г. в Дагестане было выявлено и арестовано 42 специально обученных фашистских разведчиков и диверсантов. Летом 1942 г. участились случаи вооруженных нападений на предприятия связи. Так, в августе были разрушены линейные телефонные сооружения и аппаратура в семи сельских советах Цумадинского района, в сентябре – в пяти сельсоветах Цунтинского района. Такие же диверсии имели место, по меньшей мере, еще в пяти районах Дагестана [17, с. 41]. По данным В.П. Сидоренко, немецкие шпионы и диверсанты, которые забрасывались на Северный Кавказ, готовились гитлеровскими спецслуж-

бами в разведывательных центрах в Пятигорске и Евпатории [18, с. 134].

В период с августа по октябрь 1942 г. немецкие войска захватили большую часть Северного Кавказа. В эти тревожные для Красной Армии месяцы ситуация крайне тяжелой была не только на линии фронта, но и в тыловых районах, которыми стали территории Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Северо-Осетинской автономных республик. Причем врагу удалось захватить часть земель этих республик. Началась активизация деятельности бандитских формирований в тылу наших войск. Коллектив авторов из института всеобщей истории Российской Академии наук в своем труде дает следующую оценку данному факту: «Необходимо отметить, что именно в это время в тылу Северо-Кавказского фронта развернулась еще одна война – на этот раз советские военные части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа» [19, с. 89–90].

Между тем, в Чечено-Ингушетии активизация деятельности бандформирований отмечалась особенно ярко в августе 1942 г., когда немцы стали подходить к границам республики. Повстанцы стали теперь открыто нападать на районные центры с целью грабежа и расправы над партийными и советскими активистами. Они захватывали колхозное имущество и скот, терроризировали местное население.

Нападениям грабительских банд подвергнулся эвакуированный из Ставропольского края в Дагестан колхозно-совхозный скот. В докладной записке на имя заместителя председателя СНК СССР А. Микояна руководители края М. Суслов и В. Шадрин сообщали, что особенно распространенным это явление было на территории Чечено-Ингушской АССР. Так, в районе аула Мескен-Юрт Шалинского района банды чеченцев в ночь на 31 августа 1942 г. отбили и угнали в горы 200 голов крупного рогатого скота, принадлежавшего Ессентукскому совхозу ВЦСПС [20, л. 50]. На следующую ночь в этом же районе чеченцы похитили 28 лошадей из стада одного из колхозов Ставропольского края. Местная милиция отказывалась выезжать в предполагаемые места укрытия похищенного скота, заявляя, что там следует появляться только в составе многочисленных и хорошо вооруженных отрядов. Обращения к властям Шалинского района и к правительству республики

ничего не дали. Понятно, что такого рода информацию в Москве тщательно изучали, добавляя ее к уже имевшейся ранее и свидетельствовавшей о серьезном политическом положении в Чечено-Ингушетии.

Особенно удручающим для Москвы был тот факт, что в рядах местных коллаборационистов оказалось довольно значительное число руководящих партийных, советских и правоохранительных работников Чечено-Ингушетии. Среди них были: первый секретарь Итум-Калинского РК ВКП(б) Тангиев, второй секретарь этого же района Садыков, председатель Галашкинского исполкома райсовета Албаков, начальник Старо-Юртовского РО НКВД Эльмурзаев, командир истребительного батальона Пригородного РО НКВД Оруханов [16, с. 18]. По данным органов госбезопасности с бандитами, в частности, активно сотрудничали, оказывая им всестороннюю помощь, Межиев – начальник Итум-Калинского районного отделения НКВД и Исаев – начальник Шатоевского РО НКВД. Среди рядовых сотрудников органов внутренних дел Чечено-Ингушской республики факты связей с бандитскими группами исчислялись десятками [21]. Всего летом 1942 г. бросили работу и скрылись в горах около 80 партийных и советских работников районного уровня. За период с 22 июня 1941 г. и по 3 ноября 1943 г. на территории Чечено-Ингушетии органами НКВД и частями Красной Армии было арестовано или уничтожено в ходе боев 3665 повстанцев из состава националистических формирований. Чеченцев и ингушей среди них насчитывалось 2690 человек [16, с. 19].

Столь же сложная обстановка с началом боев на Северном Кавказе сложилась в Кабардино-Балкарской АССР, особенно в Средней Балкарии. И это несмотря на то, что в борьбу с бандитами были вовлечены крупные силы: части Красной Армии, войска НКВД, местный истребительный батальон. Осенью 1942 г. масштабы бандитизма в Кабардино-Балкарии значительно увеличились. Дело дошло до того, что «местное население аулов Куркужин, Шардаково, Каменноостское, Сармаково ликвидировало советскую власть еще до прихода гитлеровцев, а в числе старост и полицаев оказалось несколько коммунистов», – говорилось в одном из донесений правоохранительных органов [22, с. 41]. В начале сентября 1942 г. два партизанских отряда Кабардино-Балкарии – Чегемский и Балкарский, общей численностью в 138 человек, были направлены на борьбу с бандами в Нижне-

Чегемское ущелье и район Кошкотоу [23, л. 35].

В Нальчике оккупантами было создано марионеточное правительство, получившее название «Представительства интересов Кабардино-Балкарии». В него входили как некоторые местные бывшие советские чиновники, так и эмигранты. К последним относились: князь З. Келеметов, князь Шекманов, А. Узденов. Кроме них, в составе правительства находились князь Давлат-гери Тавкетов, Махдев, Хотищев и Призенко [24, с. 249].

С отступлением частей 37-й армии из Балкарии националистические бандитские отряды открыто стали захватывать населенные пункты, грабить местное население и расхищать имущество колхозов. Антисоветские формирования настолько осмелели, что стали даже нападать на армейские подразделения, захватив, в частности, военное имущество 11-й дивизии НКВД и зенитное орудие 772-го артиллерийского полка вместе с его расчетом. Бандиты заставили красноармейцев стрелять по своим, и когда артиллеристы отказались это сделать, их расстреляли. Двум военнослужащим удалось убежать от бандитов и рассказать о случившемся военному командованию [22, с. 41].

Реакция штаба 37-й армии на это сообщение была быстрой и крайне трагичной для местного населения. По воспоминаниям бывшего первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З.Д. Кумехова, командующий 37-й армии генерал П.М. Козлов отдал приказ «уничтожить всех бандитов и тех, кто их поддерживает» [25, с. 158]. В двух селениях Черекского района батальоном капитана Накина из 11-й стрелковой дивизии НКВД в период с 27 по 30 ноября 1942 г. было убито 1500 человек. В своем донесении Накин сообщал, что «...из них 90 чел. бандитов, 400 человек мужчин, имеющих связь с бандой, остальные – пособники бандитов» [25, с. 160]. Полностью истребленными оказались семьи рода Темирхановых – 85 человек, Миссировых – 133 человека, Гумовых – 31 человек и другие семьи семи родов общей численностью в 1500 человек. Дома этих семей были сожжены вместе с трупами их хозяев. Был расстрелян даже инвалид Великой Отечественной войны А. Миссиров, только накануне вернувшийся из госпиталя, где ему ампутировали правую руку. Расстрелян, несмотря на то, что предъявил солдатам внутренних войск свою историю болезни о ранении и инвалидности.

В ответ на противоправные действия советских войск, в Эльбрусском и Чегемском районах, населенных преимущественно балкарцами, возмущенные жители стали создавать партизанские отряды, воевавшие и с немцами, и с подразделениями Красной Армии [13, с. 223]. При этом отмечались факты поддержки этих отрядов со стороны части местного населения. Как и в Чечне, ряд партийных и советских работников оказались вовлеченными в стан таких бандитов-партизан. В частности, одну из банд возглавил председатель исполкома Черекского районного совета [2, с. 467].

Всего, по подсчетам органов НКВД в Кабардино-Балкарской АССР в 1943 г. насчитывалось около 30 бандитских групп численностью более 500 человек. Немало было бандитов-одиночек, а также дезертиров, занимавшихся разбоем. В течение 1942–1943 гг. в Балкарии за антисоветскую деятельность было арестовано 1227 человек, из них коммунистов и комсомольцев – 186 человек. Затем, при отступлении немцев с территории Кавказа, с ними ушли из горной Балкарии 362 человека [2, с. 467].

Следует отметить, что и после отступления немецких войск с Северного Кавказа германское командование продолжало активно поддерживать националистические и повстанческие отряды, действовавшие в Кабардино-Балкарии. На территорию республики гитлеровская авиация постоянно забрасывала группы парашютистов. Так, летом 1943 г. немецкие спецслужбы выбросили в Кабардино-Балкарию 10 диверсионных групп, участниками которых были, в основном, представители местного населения. Они вели здесь активную антисоветскую деятельность, как пропагандистскую, так и военно-диверсионную [13, с. 223]. Даже в 1944 г., когда надежд на возвращение немецкой армии на Кавказ уже не было, активность гитлеровских спецслужб не уменьшилась. В ночь на 2 августа 1944 г. дозоры НКВД зафиксировали в районе селения Заюково появление шести парашютистов. Вскоре три диверсанта явились в колхозную бригаду, где они «...покушали и ушли». На вопрос колхозников к парашютистам, кто они и откуда, последние ответили: «Мы – мусульмане, если Вы нам плохого не сделаете, мы Вас также не тронем» [25, с. 369].

Были приняты меры к установлению личностей вражеских агентов и затем, через их родственников, проведена работа с целью склонить парашютистов-диверсантов к добровольной явке в правоохранительные советские органы. Всего за июнь–июль 1944 г. на территорию республики

было выброшено с немецких самолетов 86 парашютистов. К началу августа органы НКВД и НКГБ уничтожили 18 диверсантов, а 29 взяли в плен. Пять человек явились с повинной. После допросов пленных парашютистов-диверсантов чекисты полностью выяснили национальную принадлежность всех 86-ти агентов: 64 кабардинца, 20 балкарцев, один осетин и один черкес [25, с. 370]. В последующие недели продолжались операции по уничтожению остальных 34 парашютистов.

На территории Карачаевской автономной области, входившей тогда в состав Ставропольского края, еще до вступления сюда гитлеровских войск, правоохранительными органами также отмечались отдельные факты деятельности антисоветских сил. С осени 1941 г. в горных районах Карачая активизировались бандитские группы, для борьбы с которыми потребовались значительные силы. Начальник НКВД по Ставропольскому краю Панков сообщал краевому партийному и советскому руководству, что банды грабят местное население, нападают на учреждения власти, на колхозные фермы. Так, банда К. Кучукова осуществила разбойное нападение на золотой прииск Мушта, ограбив магазин и убив четырех жителей [26, с. 215]. В этом же районе оперировала банда Батчаева, среди членов которой были и дезертиры, и уголовники, и националисты, и даже несколько местных милиционеров. В селении Верхняя Теберда председатель сельсовета поддерживал тесную связь с бандитами, призывая жителей оказывать всестороннюю помощь повстанцам [26, с. 215].

Еще одну бандитскую группу возглавлял К. Байрамуков, действовавший со своими немногочисленными сторонниками в горно-лесистой местности Учкуланского района. Немецкая разведка была хорошо информирована о существовании и деятельности его группы, и 6 мая 1942 г. в горах Карачая был выброшен с немецкого самолета отряд диверсантов в количестве 11 человек. Он направлялся к Карачаевску, чтобы соединиться с отрядом Байрамукова для совместных действий в тылу советских войск. Однако уже на следующий день чекисты запеленговали рацию диверсантов. На их захват было направлено четыре поисковых отряда [27]. 13 мая 1942 г. вражеских агентов, а это были бывшие советские военнопленные и дезертиры, настигли и обезвредили. Семь диверсантов было убито. У них чекисты обнаружили различные документы: коды, шифры, инструкции и записи, имевшие важное значение для органов госбезопасности. У каждого

из убитых диверсантов-разведчиков изъяли удостоверение личности, в котором говорилось: «Предъявитель сего горец-националист (фамилия) является сотрудником германской армии, ведущей кровавую победоносную войну с врагами всех горцев и всего человечества – с большевиками. Кто осмелится ему помешать в его деле, будет рассматриваться германским командованием как изменник и предатель» [16, с. 23].

Сложнее обстояло дело с ликвидацией местных бандитов, хорошо знавших горы, и потому долго остававшимися безнаказанными. К августу 1942 г. на территории Карачая и Черкесии действовало 12 повстанческих групп, ставших опорой немецкой власти [13, с. 221]. Точное количество банд, находившихся в Карачае после освобождения области от оккупантов, т.е. с января 1943 г., их численный и национальный состав все еще остаются проблемами спорными.

Ни один народ Советского Союза, в том числе русские, украинцы, чеченцы, карачаевцы, калмыки, армяне, грузины и другие, не избежал такой участи – и героизма, и предательства.

О коллаборационистских настроениях части многонационального населения Карачая в период оккупации автономной области свидетельствуют очевидцы с немецкой стороны. Автору этих строк удалось связаться с бывшими военнослужащими вермахта, воевавшими в составе 49-го горнострелкового корпуса генерала Конрада на Северном Кавказе. От них, в частности, получены материалы, документы и личные воспоминания о пребывании в горах и населенных пунктах Карачаевской автономной области в 1942–1943 гг., о взаимоотношениях с местным населением.

Так, бывший лейтенант 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Вернер Якоби пишет в книге о своем пребывании в конце августа 1942 г. в горах в районе Микоян-Шахара (ныне – Карачаевск). Он свидетельствует, что местное население относилось к немецким солдатам не враждебно. Некоторые мужчины, таившие обиду на советскую власть, даже оказывали помощь в снаряжении лошадей, предупреждали о неприятеле, просили оружие для борьбы с партизанами [28, с. 56]. Горцы-пастухи в качестве проводников проводили немецкие отряды по горам. Правда, при этом автор не уточняет, добровольно или под принуждением шли они на такой шаг. В одном из свидетельств Якоби говорится об ауле, где часть жителей вооружена автоматами и пистолетами. У них есть удостоверения, что они добровольно помога-

ют немецкой армии и имеют право на ношение оружия [28, с. 58].

Следует отметить, что вопрос о разрешении горцам открыто носить оружие, обсуждался германским руководством еще до оккупации Северного Кавказа. В плане А. Розенберга «О преобразовании Кавказа» в этой связи отмечалось: «Учитывая предполагаемую готовность этих народов сотрудничать с Германией, можно им, в отличие от других народов разрешить ношение легкого оружия» [29, л. 190]. В пропагандистских целях вручение холодного оружия – «большого кавказского кинжала и сабли» предполагалось облечь в торжественную форму. В дальнейшем, указывал А. Розенберг: «Возможно, изучив обстановку, мы сумеем местами оставить кавказцам и винтовки» [29, л. 190].

Военные корреспонденты газеты «Панцер, форан!», печатного органа 1-й немецкой танковой армии, в начале сентября 1942 г. писали о своих впечатлениях о Кавказе и местных жителях. Они, в частности, свидетельствовали о доброжелательном отношении горцев к немецким альпийским стрелкам. В статье говорится о карачаевце, который восемь лет скрывался в горах от советской власти и с группой своих единомышленников из восьми человек все эти годы вел борьбу с большевиками. Теперь он готов показать немецкому отряду проход по труднодоступному ущелью по направлению к перевалу. Интересно, что сами корреспонденты называют его «бандитом», который «снова созвал свой старый добровольческий отряд из карачаевцев, в котором каждый выглядит отважнее и диче другого» [30].

Для привлечения на свою сторону местного населения оккупанты создали на территории автономной области «Карачаевский национальный комитет». О его количественном и национальном составе в региональной исторической литературе имеются различные суждения. Так, по мнению В. Гнеушева и А. Попутько немцы главным критерием подбора руководителей комитета считали их антисоветскую деятельность и классовое происхождение [31, с. 109]. Не случаен, поэтому тот факт, что старшиной «Карачаевского национального комитета» стал бывший кулак К. Байрамуков. Его заместителем был выходец из помещичьей семьи М. Байчоров. Авторы приводят в своей работе и другие фамилии членов комитета: М. Кочкарова, М. Лайпанова, Х. Алиева, А. Абайханова и других.

В оккупированной Черкесской автономной области гитлеровцы со-

здали еще одно марионеточное правительство – Черкесскую управу. Ее возглавляли А. Якубовский, М. Дышеков, И. Нартиков [32, с. 110]. Они проводили такую же работу, как и другие руководители профашистских органов власти на Северном Кавказе: боролись с партизанами и подпольщиками, выявляли и передавали в руки гестапо коммунистов и работников НКВД, осуществляли экономические мероприятия в интересах немецкой оккупационной администрации.

Однако все эти «правительства» оказались недолговечными. Они просуществовали ровно столько, сколько сохранялся на территории Северного Кавказа немецко-фашистский оккупационный режим. С его крахом закончилась и деятельность марионеточных органов власти в национальных районах Кавказа. Активные деятели этих структур ушли вместе с немецкой армией на Запад, понимая, что советская власть не простит им сотрудничества с врагом.

Исходя из вышеизложенного материала, можно сделать вывод, что Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны, наряду с Прибалтикой и Западной Украиной, был одним из регионов страны, в котором коллаборационизм получил довольно широкое распространение. Причинами этого явления был целый ряд обстоятельств:

На Северном Кавказе с довоенного времени состав населения был весьма пестрым, как по национальному и религиозному, так и по социальному и экономическому признакам. Эта особенность, наряду со значительным количеством недовольных советской властью групп населения, стала одной из причин сотрудничества немалого числа местных жителей с оккупантами. И колхозное крестьянство, и казачество, и мусульманское население национальных республик и автономных областей Северного Кавказа подвергались в 20–30-е годы репрессиям со стороны сталинского режима; теперь же, в период оккупации, коллаборационизм стал своеобразным ответом на эти гонения.

Коллаборационизм активной формы был все же меньшим по масштабам, чем коллаборационизм пассивный, вынужденный. Из-за угроз со стороны оккупационных властей трудоспособному населению надо было выходить на работу в поле, на заводы, в учреждения. Альтернативой такому насилию было сопротивление и борьба с нацистами. Но таких людей на оккупированной территории Северного Кавказа было не много...

В целом же такое негативное для советской власти явление как коллаборационизм, должно было показать советскому руководству, что предвоенная политика в Северо-Кавказском регионе проводилась с большими ошибками и, следовательно, нуждалась в существенной корректировке. Однако, к сожалению, был сделан другой вывод, обернувшийся трагедией для части народа многонационального Кавказа. Сталинский режим усилил репрессии и обвинения в адрес целых народов в пособничестве врагу. В этом и состоит поистине трагическая страница проявлений коллаборационизма как следствия оккупационной немецкой политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- 1. Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.** Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60-75.
- 2. Семиряга М.И.** Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000.
- 3.** Великая Отечественная война 1941-1945: Словарь-справочник. 2-е изд., доп. – М., 1988.
- 4.** Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.Р. 897. Оп. 1. Д. 9.
- 5. Андреева Е.** Генерал Власов и русское освободительное движение. Пер. с англ. – Лондон, 1990.
- 6. Беликов Г.** Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – январь 1943. – Ставрополь, 1998.
- 7. Карелл П.** Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. / Пер. с нем. Уткина А.Л. – М, 2003.
- 8.** Ставропольские губернские ведомости. – 1995. – 22 марта.
- 9. См., Кривошеев Г.Ф.** О дезертирстве в Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 6. С. 94.
- 10. См., например:** Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. – М., 1992.
- 11. Бугай Н.Ф.** Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 32-44
- 12.** Независимая газета. – 2000. – 29 февраля.
- 13. Марченко Г.** Депортация // Дон. – 1998. – № 4.
- 14. Алискеров И.Ш.** Влияние региональных и этнических факторов на военнополитическую обстановку на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Материалы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы. 13 апреля 1995 г. – М., 1995.

15. **Галицкий В.П.** «...Обязуюсь... помочь германской армии» // Военно-исторический журнал. 2000. № 3. С.43.
16. **Галицкий В.П.** «...для активной подрывной диверсионной деятельности в тылу у Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2001. № 1. С. 17–25
17. **Бутаев М.Д.** Дагестан в период обороны Кавказа (анализ малоизвестных документов) / Годы суровых испытаний и народного подвига. Сборник статей. – Махачкала, 1995.
18. **Сидоренко В.П.** Особые оборонительные районы Северного Кавказа / Органы внутренних дел на пути к правовому государству. Сб. трудов адъюнктов и соискателей. Вып.1. – СПб., 1993.
19. **Кульков Е., Ржешевский О.** Война 1941–1945. Факты и документы. – М., 2001.
20. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф.Р. 1852. Оп. 12. Д. 33.
21. Кубань сегодня. – 2001. – 18 мая.
22. **Семин Ю.Н., Старков О.В.** Кавказ. 1942-1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. №8. С. 35–43.
23. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 4372. Оп. 1. Д. 7.
24. **Некрич А.** Наказанные народы // Нева. 1993. № 9, 10. С.251
25. Лики войны. Сборник документов по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – Нальчик, 1996.
26. **Селюнин В.А.** Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941-1945 гг. – Ростов-на-Дону, 1997.
27. Ставропольские губернские ведомости. – 2000. – 6 мая.
28. **Якоби В.** Молодежь в войне 1940-1945. Военный дневник (на нем. яз). – Мусберг, 1995.
29. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 7445. Оп. 2. Д. 9.
30. Пятигорское эхо. – 1942. – 6 сентября.
31. **Гнеушев В., Попутько А.** Партизанский заслон. – Ставрополь, 1985.
32. **Койчуев А.Д.** Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Ростов-на-Дону, 1998.